

А. Фёдоров

Котенок, создавший бессмертие

А. Фёдоров

Котенок, создавший бессмертие

«Автор»

2026

Фёдоров А.

Котенок, создавший бессмертие / А. Фёдоров — «Автор», 2026

Молодой ученый вступил в битву двух противоположностей -- Жизни и Смерти -- в которой при редких успехах первой в конечном итоге всегда побеждает вторая. Признавая смерть Злом, Семен выступил на стороне Добра, не представляя в начале, сколько неожиданностей ожидает его на поле этой вечной битвы. Но Судьба, нежданно-негаданно, подарила ему уникальную встречу с разумным существом, вовсе не относящемся к человеческому виду. И, с определенного времени, два разума -- человеческий и чужеродный -- начали находить бреши в обороне противника, заставляя его отступать навсегда, исключая всякую возможность успешной контратаки.

© Фёдоров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Невероятный тандем.	6
Глава 1. Студенческая вечеринка	6
Глава 2. Диссертация	10
Глава 3. Новая квартира	14
Глава 4. Знакомство	17
Глава 5. Заполосный месяц	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А. Фёдоров

Котенок, создавший бессмертие

Котенок, создавший бессмертие

*«Ты и представить себе не можешь, что будет,
если явится ум пылающий, но чуждый этому
миру».*

Фемистокл из Родосса, 3 век до нашей эры

Часть первая. Невероятный тандем.

Глава 1. Студенческая вечеринка

В большой квартире академика Катнева сегодня вечером было шумно и многолюдно. Студенты медицинского университета, ощущая неизбежное расставание с прежним образом жизни и привычными друзьями, решили отметить окончание последнего семестра своего обучения. Тринадцатая группа лечебного факультета нынче решила «оторваться». Всего в группе было четырнадцать человек, однако в реальности их набралось восемнадцать. Приглашенными были «симпатии» некоторых студентов, и группа признала, что их можно пригласить.

Вообще, если говорить честно, такие вечеринки в тринадцатой группе стали некоей традицией еще с самого первого курса, когда Юлия Катнева сразу, в первый же день их знакомства, предложила встретиться у нее дома для более близкого общения. Никто тогда от предложения не отказался. Но поскольку знакомство студентов только начиналось, длилось то, давнее, мероприятие не слишком долго. Все-таки это были совершенно незнакомые (за редким исключением) молодые люди, которым требовалось время, чтобы хоть несколько сориентироваться в стиле и форме своего и чужого поведения.

Все люди — разные. И не столько по внешнему виду, по биометрическим параметрам, так сказать, но более всего по своей внутренней, чисто человеческой сущности. Для одного совершенно просто влиться в незнакомый коллектив, начать знакомиться в совершенно новой компании, завязывать общие разговоры, играя в них первую скрипку. Другой может быть несколько молчалив, но его слова настолько порой бывают взвешены и конкретны, что невольно вызывают уважение и порождают стремление вслушиваться в мысли, озвученные таким собеседником. Третьи более закрыты, погружены в себя, разговорить их нелегко, но, если уж удалось это сделать, то и они могут стать интересными собеседниками с собственным видением окружающего мира. Есть и четвертые, расположенные где-то на грани, как модно стало говорить теперь, аутизма. С ними свои сложности, и тут уж ничего поделаться нельзя, их не растормошить, их не заставишь слушать себя, они, в известной мере самозамкнуты, им вроде бы хватает вполне общения с самими собой.

Но если, волей-неволей, получается так, что в силу внешних причин предстоит провести шесть лет учебы в одной группе, в одном коллективе, то каждый стремится к тому, чтобы занять в этом коллективе определенное, желательно значимое место. Громкоголосые умеряют мощь своих голосов, молчаливые начинают более активно вклиниваться в разговор, погруженные в себя участвуют в общих беседах, даже полуаутисты могут чувствовать себя в «притертых» коллективах весьма комфортно.

Тринадцатая группа медицинского факультета не была исключением: имелись в ней и первые, и вторые, и третьи, и даже четвертые. Например, Андрей Переслегин был настолько застенчив, что его вгоняли в краску любое слово, любой вопрос, любое внимание к нему. Он хотел быть незаметным, чтобы его особо не трогали, но к этой группе студентов он очень быстро привык и чувствовал себя вполне уютно. Конечно, главным, вероятно, было то, что в этой же группе учился его друг с детских лет, с «досадных» еще времен, Семен Увадов, который мог при случае прикрыть товарища от излишнего внимания.

Сам Семен, высокий, черноволосый, атлетичный от природы парень был не слишком открыт, но в коллективы вливался легко, мог поддержать любой разговор, тема для него не имела, видно, большого значения. Фигурой и лицом, словно принадлежащим своей точностью черт киношному герою, он сразу внушал к себе некое уважение, а тот, кто слышал его рассуждения, быстро понимал, что знания его поистине неисчерпаемы. Его ум был остер, порой язвиво-

телен, но в меру, а памятью он мог сравниться с компьютером. С самых первых дней учебы Увадов настолько увлекся генетикой, что, по мнению сотоварищей, ничего более и не хотел знать. Однако это было не совсем так: Семен находил время и для книжных новинок, театральных и кинопремьер, для музыкальных вечеров. А вот на пустопорожнюю трату времени он не соглашался ни при каких условиях. Единственным исключением стали вот эти традиционные групповые вечеринки.

Они не были шумными, громкими и разгульными. Просто собирались знакомые люди, умеренно выпивали и закусывали, а потом общались на неучебные темы. Главными заводилами таких неформальных, но весьма интересных бесед были Гена Трутов и Алина Патаева, еще на втором курсе, в силу схожести жизненных позиций, ставшие парой. И сегодня они начали разговор, но почему-то беседа пошла не по накатанному и известному руслу: о музыке, путешествиях, балете, театре, — нет, она перескочила на окончание учебы.

Сыграли ли здесь роль лишняя порция спиртного или неясные бродильные процессы в кишечнике, но началось обсуждение того, кто куда пойдет после окончания университета. Пятеро учились по целевым направлениям, их ожидали направившие на учебу лечебные заведения. Андрей Переслегин, учившийся отлично, оставался на два года для совершенствования образования по рентгенологии и визуальным методам диагностики. Трутову и Патаевой железно было обещано место в онкологическом диспансере. Все остальные находились в свободном поиске. Все, кроме Семена.

С Увадовым все было ясно, начиная с первого курса. Он просто влился в состав кафедры геномных исследований, даже не как студент, а полноценный научный сотрудник. Перечень научных статей, где он выступал настоящим соавтором, перешагнул два десятка. Семен оставался в аспирантуре, у него уже была тема диссертации: «Пусковые точки генома человека» — и он над этой диссертацией вплотную работал уже два года.

Неопределившиеся студенты вслух размышляли о том, где, возможно, будут работать, беседа текла относительно спокойно, как вдруг Гена Трутов с явно ощутимой злостью произнес:

— Лучше всего, конечно, устроились Семен и Андрейка. На теплое местечко.

Все междусобойные разговоры стихли, а Иван Водонов, староста группы, негромко сказал:

— Я считаю, что ребята вполне заслужили свои «нагретые» места. Они шесть лет вкалывали, как проклятые. А то ты этого не видел?

— Видел, — повысил голос Трутов, — но если бы Семен не заносил хвост Торину, навряд ли он сразу бы попал в аспирантуру. Ведь и ректорская дочка и внучка самого Торина с нами учились. Своя рубашка, известно, ближе к телу.

Вмешалась Юля Катнева:

— Не волнуйся, Гена, и внучка и дочка будут пристроены, никто им не даст пропасть. Мне кажется, ты просто завидуешь ребятам. Так они это действительно заслужили. И, между прочим, без всякого «занесения хвоста», а за счет того, что занимались тем, что было интересно. И занимались не в пример тебе, между прочим.

— Ничего я не завидую, — вскипел Трутов, — просто поражаюсь, как такие правильные мальчишки выходят на прямую дорогу.

— Надо больше и лучше работать, Гена, тогда и тебе, быть может, улыбнется удача.

— Вы не поняли, — заявила Алина Патаева, — никому Гена не завидует, он имеет в виду то, что слишком легко ребята получили эти места. И если Андрей будет продолжать хотя бы диагностическую работу, то Семен идет в чистую науку, которая, возможно, достигла своего предела. Мы ведь до сих пор не понимаем, что там происходит внутри генома, хотя бы, почему у всех разный срок старения, почему, при прочих равных условиях, люди заболевают разными

болезнями. Вы прямо думаете, что Увадов создаст нечто новое в науке, где заправляют Торин и Родин.

Андрей Переслегин, густо покрасневший, честно говоря, не знал, что и сказать. Семен тоже молчал, надеясь, что Трутов, выговорившись, перейдет на другую тему, так порой бывало, но, видимо, сегодня нечто ухватило его за живое, и он решил высказаться.

С Геной Трутовым у Семена Увадова с самых первых дней знакомства сложились не вполне дружественные отношения. Нет, они не дрались и не скандалили, но даже шесть лет общения, волей-неволей, не растопили ни в малой степени холодную отстраненность при общении их друг с другом. Да и общаться они не изъявляли никакого желания. Так может быть, ну нету, как говорить, контакта.

Но слова Патаевой о Торине и Родине Семен не мог оставить без внимания и вовсе не потому, что они были его научными руководителями. Он восхищался этими учеными, не остановившимися в своих достижениях, делавшими открытия одно за другим. Они работали так, как не работали совсем молодые ещё их коллеги. Поэтому Семен высказался.

— Торин и Родин не «заправляют», а направляют все исследования по изучению генома человека. Нет в мире ученых, которых можно было бы сравнить с ними. Их открытия неизбежно приближают нас к пониманию тонких процессов биологии человека...

— И что толку, — упорно возражал Трутов, — знают они, или догадываются, что те или иные гены отвечают за то-сё, но вмешаться в главный геном на этой планете, в геном человека, они не могут. Значит, и изменить ничего не могут. Тупая наука и ты тоже впустую профукаешь свою жизнь, занимаясь такой наукой, не имеющей выхода в практику. Даже если ты и сделаешь открытия, все равно бессмысленно проведешь свою жизнь.

Повышение тона беседы и начинающие краснеть лица оппонентов не предвещали ничего хорошего. Иногда так бывает, что из ничтожного, мелкого слова начинает разгораться скандал или ссора, словно на пустом месте, как от брошенной невзначай зажженной спички может вспыхнуть сухая трава, или загорится старая листва в лесу, и пожар спалит зерновое поле, а то и половину леса. Самым правильным будет задуть еще неяркое пламя в зародыше.

— Все! Стоп! — вмешалась резко Юля, — давайте расходиться, друзья, не то мы закончим вселенской ссорой.

Если говорить логически, Юля была в своем праве: это была ведь почти ее квартира, но этого было мало. А вот то, что в течение шести лет она выступала в роли третейского судьи, адвоката, арбитра среди всех своих знакомых, и все стороны были довольны этой ее ролью; что на протяжении этого времени никогда и ни с кем она не конфликтовала, всегда была равна и спокойна — имело решающее значение. Ее мнение ценили, к нему прислушивались. Порой язвительный Трутов цитировал ее высказывания, не преминув при этом добавить: «Как говорила наша Юлия». Одним словом Юлю Катневу в группе уважали.

Что и не удивительно, её послушались: перепалка прекратилась, и шестнадцать человек последовательно, без суеты, покинули до этого весьма гостеприимную квартиру. Один Семен неловко как-то топтался в прихожей. Он не мог так сразу завернуться и уйти. Дело было в том, что в течение последнего года Семен и Юля пытались составить пару. И хотя встречи их были редкими для молодых людей (об этом, кстати, никто не догадывался), но вместе им было интересно и комфортно во всех отношениях. О планах после завершения учебы они пока не говорили, а времени оставалось все меньше и меньше.

Юля пристально смотрела на Семена, думая о чем-то своем.

Лицо у девушки покраснело, когда она обратилась к молодому человеку:

— Останешься?

— Понимаешь, какое дело. Я там опыт поставил, надо его проверить... — попытался сказать Семен, но Юля, всегда такая спокойная и выдержанная, достаточно резко его прервала. Видимо и на неё повлияла потушенная в самом начале ссора.

— Знаешь что, Сема, я пришла к выводу, что нам необходимо поговорить серьезно и определенно. У нас любовь или как?

— Любовь... — осторожно, словно сомневаясь, ответил юноша.

— Нет, Сема, это не любовь, это детско-юношеская игра в подобие любви. Мы понравились друг другу, только и всего. У нас нет общих интересов: я хочу просто жить, может быть, строить карьеру, а ты весь погружен в свою науку, от которой тебя за уши не оттянешь. Видишь ли, я не княгиня Волконская, чтобы ждать мужа-декабриста из ссылки, я хочу жить сейчас и сегодня, потому что у меня есть только эта единственная жизнь, и другой не будет, я хочу твоего внимания, я хочу, чтобы ты мной восхищался, чтобы ты ценил моё присутствие в твоей жизни, а этого нет и никогда-никогда не будет. — Розовое лицо Юли стало бледнеть, голос начал повышаться, как лавина, разбуженная маленьким камушком, случайным образом начавшим свое движение вниз, в долину, слова теперь получались металлизированные, звонкие, она заметно волновалась, но не остановилась. — Я думаю, что после этого разговора нам следует расстаться и забыть о том, что было между нами. Я понимаю твоё стремление объять необъятное, но вовсе не вижу себя вечной подругой ученого человека. Я так не хочу. Поэтому, прощай, Сема!

Семен никак не ожидавший такой вспышки, ничего не сказал и молча исчез за дверью, таким образом ставя точку в отношениях с Юлей Катневой. Умом он понимал, что его поведение не вполне порядочно: пытаясь быть, как все, он завоевал девушку, не думая о том, что будет потом. Такое поведение, впрочем, весьма типично для молодых мужчин, не пытающихся в житейских вопросах заглядывать дальше сегодняшнего дня. Недостатки воспитания, вероятно. А вот о науке, которой он занимался, мысли были постоянными и на перспективу. И в этой перспективе Семен всегда видел себя одиноким. Выйдя на улицу, он устремился к университету. Неприятный осадок оставил выговор Юли, но юноша подумав: «Пусть будет так», — мысленно вернулся к поставленному опыту. Девушка была права — наука была для Семена Увадова основой его жизни.

Глава 2. Диссертация

Семен Увадов определился с темой будущей кандидатской диссертации на третьем курсе обучения. С этого же времени он последовательно и терпеливо занимался сбором всего материала, который касался уже открытых другими структур генома человека.

Академик Торин вполне одобрял такое рвение молодого студента и был (внутри самого себя) уверен, что Семен станет настоящим ученым. Хваткой, рвением, целеустремленностью молодой человек напомнил — нет, даже не так, — скорее, показался ему похожим на давно ушедшего друга юности. Поэтому академик всячески способствовал в поиске Семеном необходимых информационных материалов, уводил от привлекательных внешне, но совершенно тупиковых путей, по которым сам уже ходил в юности.

Казалось бы, двадцать первый век устремился к всеобщей оцифровке информации, а нет, многое еще сохранялось на банальных бумажных носителях, которые просто необходимо было присовокупить к общей массе материалов.

Еще до момента выбора темы будущей научной работы Семен тщательно проштудировал монографии и статьи своего кумира — академика Торина, а также труды его друга, тоже академика, Николая Федоровича Родина, а поскольку памятью и внимательностью Увадов отличался выдающимся, то не мог не заметить некоторой странности в работах обоих ученых. В списке использованной литературы и у одного, и у другого на первом месте стояли работы Гравина Б.Н., вопреки правилу алфавитного оформления подобного рода списков. Причем работ самого Гравина Семен сначала не встречал. Он заинтересовался этой странностью, но задавать вопросы академикам не стал, а обратился к старому архивисту Минину, который прекрасно ориентировался во всех материалах, поступавших в его архив.

Петр Павлович (так звали Минина) почти моментально нашел ему все работы Бориса Николаевича Гравина, находившиеся в архиве, и Семен приступил к изучению этих «старых» статей с небывалым, необъяснимым энтузиазмом, словно чувствовал, что ждут его небывалые находки.

И он не ошибся в своем ожидании: работы Гравина по духу и по сути принадлежали не прошлому веку, а были актуальны для первой четверти двадцать первого. Во-первых, он был очень «понимающим» в тех вопросах, которыми занимался, чувствовалось, что он в генетике — как рыба в воде. Во-вторых, стиль его изложения был легок и доступен в той мере, в какой может быть доступна научная теория для тех, «кто понимает». В-третьих, Гравин открывал горизонты, выдвигал гипотезы, которые в последующем были развиты его преемниками. Семен почувствовал, что прикоснулся к трудам гения. Это было настолько ясно, что уже на следующее утро после изучения работ он появился перед Мининым и прямо спросил его, почему такие работы хранятся в архиве, когда их должны изучать все, кто сколько-нибудь прикасается к генетике и иммунологии.

— Видите ли, Семен, — ответил на это старый архивист, — вопросы такого рода решает ученый совет. Здесь, скорее всего, действует принцип вытеснения старого новым. Ведь идеи Гравина развили и наши академики, и многие другие. То, что развито другими, более молодыми последователями, естественным образом выходит на первый план, а то, из чего это развито, уходит в тень, оставаясь все-таки неприкосновенным. Так что, я думаю, что идеи Гравина не исчезли, они сохраняют свою актуальность, но уже в ином переложении. На моей памяти вы первый за двадцать лет, кто запросил реальные статьи самого Гравина. Кстати, существует его биография, написанная Ториним и Родиным, она есть и в нашей текущей библиотеке. Кто знал этого ученого, помнит его, а для остальных он просто далёк. А вообще, Семен, жизнь так устроена, что рано ушедшие быстро забываются. Есть такая расхожая формулировка, принадлежащая, правда, известному писателю: «В России надо жить долго».

— А можно прочитать его биографию? — спросил Увадов.

— Да, пожалуйста, — и Петр Павлович вынес тоненькую книжку в синем бумажном переплете.

Прямо скажем: прочитанная биография не удовлетворила молодого ученого. В ней не проглядывало реального, живого когда-то, человека: «родился.., учился.., поступил.., рано начал заниматься наукой.., первая научная статья...» Сухое изложение фактов. Гораздо больше о Гравине говорили его блестящие работы, которые как краугольные камни были уложены в основания многих ветвей современной генетики. На этих «камнях» зиждились вполне стройные теории современной науки, развитие не только известными корифеями, но и множеством ученых, принимающих участие в генетических и иммунологических исследованиях. И, как и все теории, они складывались как бы из отдельных камешков, которые укладывались в стены величественного здания. Некоторые части их устаревали или просто не подходили к данной теории, эти «камешки» извлекались, а их место занимали другие, но основание всегда оставалось неизменным. И именно это основание было заложено Борисом Гравиным.

Можно было, конечно, порасспросить о нем у Торина и Родина, но что-то смутное удерживало Семена от этого шага, и он отложил его на потом, на другое, более приемлемое время.

В общем, к концу обучения в университете диссертация Семена Увадова вчерне была готова. Он поступил, как и предполагали его друзья и неприятели, в аспирантуру к академику Торину и приступил к тщательной обработке своей первой крупной научной работы. Уже через год Федор Игнатович начал разговор с аспирантом о защите диссертации, однако Семен продолжил оттачивать формулировки и положения своей работы: все они ему казались недостаточно убедительными.

Однако еще через почти год править было нечего, работа, и по мнению соискателя, была готова. И в марте Семен Аркадьевич отправился во вторую научную столицу, чтобы обрести предполагаемую степень кандидата наук.

К сожалению, погода месяца не радовала горожан и гостей города. Было ветрено и сыро, холодно и дождливо-снежно. Сам вид города, затянутого, казалось, вечной пеленой тумана, навязывал ощущение пустоты и безнадеги. Настроение, пожалуй, было паршивое у каждого, кто вынужден был пройтись в эти дни по улицам.

Естественным образом, посетившая город погода оказывала влияние на членов ученого совета, собиравшихся в зале заседаний, но не чрезмерно: оказавшись в стенах храма науки, ученые мужи физически ощущали, как разворачиваются их плечи, голова гордо выпрямляется, голос приобретает уверенность, в походке появляются степенность и достоинство. Это был их дом, где они и чувствовали себя, как дома.

Немногие из членов совета были знакомы с рефератом диссертации, занятые собственными научными заботами, они готовы были именно сегодня внимательно заслушать материал.

Семен, волнуясь, вышел на кафедру и приступил к изложению своей работы. По мере его доклада ученые все пристальнее и пристальнее вглядывались в молодого человека, который сообщал им, умудренным своим опытом и немалыми знаниями, совершенно новые вещи о науке, в которой они «собаку съели». Научный руководитель Семена академик Торин в силу непреодолимых причин не смог принять участие в заседании этого ученого совета, но, совершенно естественным образом, законное место Торина занимал неизменный его заместитель, тоже академик, Родин Николай Федорович. Он, кстати, являлся научным консультантом работы Семена Увадова по «тонким» вопросам иммуногенетики человека и потому был вовсе не чужим в этой защите. Теперь, глядя на проявляющийся интерес к соискателю у ученой аудитории, Родин все более распрямлялся в кресле, а его лицо приобретало насмешливо-ироническое выражение, знаменующее нескáзанную фразу: «Вот таков наш ученик!»

Надо сказать, что в самом начале своего обучения Семен попал, вполне осознанно, именно к академику Родину, которого сразу поразил необычный для выпускника школы инте-

рес к генетическим аспектам человека. Но увидев, что парень более тяготеет к геномному картированию, Николай Федорович «пéредал» его своему «вечному» другу академику Торину, но не бросил его, не забыл о нем. И когда вплотную речь зашла о диссертации Семена, Николай Федорович не смог остаться в стороне.

Если брать «гамбургский счет», то впереди в паре Торин-Родин был именно Федор Игнатович, не на голову, а чуть-чуть, но все-таки впереди. И не потому, что был «башковитей» Николая, а просто был более собран, уравновешен и нацелен. Родину же была присуща некоторая авантюрная жилка, заставлявшая его иногда отходить в сторону от явной дороги. Он мог пытаться идти в неясном, смутном направлении, не рассчитывая, что впереди всего лишь тупик. Потом Николаю приходилось возвращаться к основному пути, чтобы все начинать сначала. Торин же был так устроен, что четко просчитывал умозрительно возможные помехи и обманные направления. Его путь по основной дороге был короче, чем у его друга.

Но разница в головастости двух академиков была известна лишь им самим, со стороны же казалось, что они шли нога в ногу. И теперь они оба были выдающимися представителями той науки, которой ещё долго придется заниматься Семену Аркадьевичу.

Доклад закончился относительно быстро, даже как-то неожиданно быстро. Многие теперь пожалели о том, что не ознакомились с работой до заседания ученого совета, но поздно было «локти кусать». Необходимо было высказываться, умно излагать свою позицию и выносить решение.

Председатель совета предложил:

— Прошу высказать ваши соображения, господа.

Однако ошеломленные потоком совершенно неожиданной информации ученые мужи как-то затормозили. Пауза затягивалась. Родин в глубине души ликовал: Семен поразил своим докладом «уважаемый ученый совет».

И внезапно со своего места поднялся профессор Водовозин и направился к кафедре. Поскольку такого за ним действующие члены совета не припоминали, все замерли. Председатель закрыл глаза.

Дело в том, что Водовозин был своеобразным человеком, скажем так, слишком принципиальным. В свое время, в ранней молодости, ему довелось работать вместе с Якушевским Ефремом Сергеевичем, который был учеником самого академика Вавилова, раздавленного репрессивной машиной государства. И в атмосфере того страха за себя и своих близких в то время, уже после ареста Вавилова, Якушевский открыто выступал в защиту опального академика. Его никто не тронул, хотя пришлось переехать в провинциальный город от греха подальше. Когда молодой Водовозин представлял себя на месте Якушевского, у него мороз пробегал по коже. Но это недолгое общение сделало будущего профессора прямым в суждениях и высказываниях, что чаще всего не нравится окружающим, когда эта прямота затрагивает их самих. Ни один соискатель не мог избавиться от ощущения, что Водовозин изучил его работу вдоль и поперек и определил в ней узловые, слабые по структуре моменты. Профессор не пропускал откровенных ляпов, незнания основ и высказывал свое мнение четко, доходчиво и последовательно, что приводило иных соискателей в предслезливое состояние. Профессор был самым старым членом нынешнего ученого совета, но не в этом была его заслуга. Он просто был великим умницей, его знания были обширны и разнообразны. Он никогда не придирался понапрасну, все, что он говорил, было основано на реальности, на объективных данных. Но любить его за прямоту и порой резкость никто не любил.

Водовозин занял место на кафедре.

— Я вижу, вы приятно удивлены, что я изменил своему обычному режиму выступления. Но я не мог не выйти, потому что то, о чем мы слышали от молодого ученого, не может никаким образом быть признано диссертацией на соискание степени кандидата наук.

Семен, надо признаться, похолодел. Он был весьма наслышан о характере профессора Водовозина, но никак не ожидал, что его работа, которой он отдал почти семь лет, не имеет для науки никакого значения; он не мог в это поверить. И тем более, что его работу читали такие корифеи как Торин и Родин. Конечно, он, вопреки существующему порядку, позволил себе высказать собственные мнения по ряду ключевых вопросов генетики, не согласованные с академиками родной кафедры, но ведь это можно было расценить, как попытку определить несколько иные подходы в научных исследованиях. В конце концов можно потребовать исправить некоторые «недочеты», но чтобы вся работа не имела научного значения — это шокировало.

Водовозин же, окинув быстрым взглядом притихших коллег, закаменевшего лицом академика Родин, в груди которого уже поднимался шторм, и все-таки побледневшего соискателя, продолжил:

— Автор пытается направить наши исследования по новому пути, он называет новые, неизвестные науке, структуры генов, причем приводит доказательства верности своих суждений. Я бы сказал: неопровержимые доказательства. Еще раз повторю — это никакая не кандидатская диссертация, а полноценная работа доктора наук. Поверьте мне, что только при суждение степени доктора наук Семену Аркадьевичу Увадову может оправдать проведение сегодняшнего ученого совета.

И профессор прошагал к своему месту в зале, которое он по праву занимал более пятидесяти лет.

Семен потихоньку выдохнул, грудь наполнилась ощущением радости, гордости и странного удовлетворения: слова старого профессора имели для него решающее значение.

Дальнейшее течение ученого совета показалось бы скомканным, если бы не твердая рука председателя. Единогласно было решено оценить работу Семена, как докторскую диссертацию.

Когда Семен после неформальной части защиты вышел на улицу, погода нимало не изменилась, однако что-то все-таки поменялось в природе. Новоиспеченный доктор наук почувствовал внутри себя необычайную легкость: казалось, что вдохни он чуть-чуть побольше воздуха, и можно будет взлететь выше неба. Сухой стук обледенелых ветвей, напоминавший звук кастаньет, которым засыпало уши прохожих с самого утра, перестал быть жестким, в нем стала проявляться непривычная мелодичность, словно откуда-то издалека начал доноситься едва различимый звон.

Еще в аудитории, пока Семен озвучивал результаты своей научной работы, у него появилась одна мысль, которая исподволь, постепенно вырастала в течение всех последних часов в предощущение неведомого еще, но вполне реального открытия величайшей важности. Какая-то часть мозга, не мешая при этом оценке реальности, непрерывно работала, не выходя еще на поверхность сознания, но Семен был абсолютно уверен, что эта деятельность не была навязчивым мечтанием. Надо было только добраться до дома и сесть за рабочий стол.

Он дошел до стоянки, сел за руль и поехал домой.

Глава 3. Новая квартира

Теперь уже доктор наук, Семен, в силу многих обстоятельств, жил вместе с родителями. Разумеется, те изо всех сил пытались создать условия для работы своему ученому сыну, отдали в его полное распоряжение самую большую комнату, где Семен устроил вполне приличный (для начинающего ученого) кабинет.

Пока писалась диссертация, Семену было очень удобно: он мог не заботиться о завтраках, обедах и ужинах, его никто не беспокоил, родители старались оградить его от своего присутствия, но это, конечно же, удавалось не всегда.

А тут ещё заметил Семен за собой такую особенность: он не просто читал материалы, не просто что-то записывал-выписывал, а, казалось бы, раздваивался. «Первый» Семен активно занимался диссертацией, но был и «второй» Семен, который не писал диссертацию, но генерировал идеи, проекты, предположения, высказывал догадки. И вот эта «вторая часть» постоянно требовала для памяти записать возникшую идею, чтобы потом, когда-нибудь, попробовать толкнуть её в жизнь. И если «первый», писавший научную работу, воспринимал текущую жизнь как неизбежность, то «второй» сосредотачивался настолько, что забывал о существовании реального мира, который только и стремился оторвать человека от любимого дела. Это было не раздвоение личности, это был такой тип личности, где часть её заглядывала далеко вперед, а вторая выполняла обычную рутинную работу. Семену пришлось завести специальную толстую тетрадь, чтобы записывать свои идеи, мысли и предположения. В этом смысле он был очень похож на одного из давних ученых, который тоже очень рано стал доктором наук. Но, об этом — чуть позже.

Более всего понимала своего сына мама, Вероника Сергеевна. Мамы вообще лучше понимают своих детей. Папы ведут себя более отстраненно. Но не это важно. У хорошей мамы и папа будет хорошим и понимающим. И поэтому, когда Семен, вернувшись с заседания ученого совета, рассказал родителям, которые ждали его с нетерпением, что стал не просто кандидатом, каких множество после защиты диссертации, а доктором наук, Вероника Сергеевна пристально посмотрела на папу, Аркадия Павловича, а тот лишь согласно склонил голову.

Родители давно пришли к решению о покупке квартиры для Семена, потому что понимали, что сыну для работы нужны условия, свобода и простор. Но они вовсе не думали, что их мальчик вдруг станет доктором наук. Планы надо было менять в сторону расширения запросов к жилью.

Понятно, что купить квартиру — это не котенку чихнуть. Прежде всего, в голове каждого покупателя уже вырисовывается некий идеальный вариант, а потом приходится сравнивать то, что предлагается, с тем, что хотелось бы. Правильней и проще, наверно, объяснить свой идеальный вариант сведущему и понимающему человеку, чтобы уж он на основе собственного опыта и знания ситуации подобрал нечто приемлемое.

Сначала Аркадий Павлович обратился к вездесущему интернету, но быстро запутался. Нет, так не пойдет. Все предложенные варианты почему-то были столь притягательны, что прямо-таки просились вселиться именно в них. Но так быть не могло. Здесь нужны были специальные познания, умение вычленить главное и не забыть о второстепенных деталях, которые, на поверку, могут испортить самое лучшее, на первый взгляд, впечатление. Закрыв интернет-ресурсы, Аркадий Павлович вместе с Вероникой Сергеевной решил отправиться за советом к старейшине рода Увадовых. Сергей Федорович, приходившийся дедом Аркадию, прожил не только долгую, по любым меркам, жизнь, но и обладал по сю пору гибким, четким умом и мог подсказать верное решение.

Именно Сергей Федорович и нашел для внука и невестки молодого, но очень активного, а главное, вполне адекватного, человека, сына своего секретаря. Молодой человек принципи-

ально занимался квартирным вопросом, был в курсе всех котировок и поддерживал взаимовыгодное сотрудничество со многими такими же молодыми людьми и риэлторскими конторами. Кроме того, академик Увадов предупредил внука, чтобы тот не экономил, а приобрел действительно приличное по всем параметрам жилье: деньги у одинокого академика водились, а Семен был его любимым внуком, точнее, правнуком.

Семен не сразу понял, что родители что-то затевают, но видел, как они таинственно переглядываются и по вечерам куда-то часто исчезают, чтобы вернуться немного расстроенными. Видимо, не всё складывалось удачно, но вопросов сын не задавал, потому что сразу увлекся новой работой.

После защиты диссертации академик Родин, руководитель лаборатории, в состав которой входил и Семен, поставил ему тему по вирусным папилломам человека. Ничего особенного в этом не было. Это даже не было проблемой высокого полета. Косметическая хирургия достигла значительных высот в исправлении этого чисто внешнего недостатка. Но Родин считал, что надо выяснить некоторые механизмы развития этой болезни, чтобы потом перейти к более важной проблеме опухолей кожи вообще.

Семен погрузился в эту работу с головой, но произошла маленькая странность: работа, начавшаяся как бы над решением локальной проблемы, захватила Семена так, что он начал постепенно переходить от частного к общему. Возникшая в диссертационном зале неясная мысль переросла в идею найти средство не только от бородавок, но и вообще от всех опухолей разом. И если научная работа в лаборатории шла по заранее заданному плану, то дома толстая тетрадь «идей» начала пухнуть на глазах. Записи, предположения, расчеты, формулы начали появляться почти лавинообразно. Многое отменялось как нежизнеспособное, идеалистическое, но кое-что оставалось, требовало проверки. А ведь все это — время. И Семен ушел в работу «по самые уши».

Конечно, одному ему было бы трудно. Но лучший друг, мастер на все руки, а также привлеченные им энтузиасты технического прогресса включились в работу над материальным и программным обеспечением задуманного молодым ученым. Таким образом, были созданы программы моделирования молекул вещества любого класса и стойкости. Юра (так звали мастера на все руки) изобрел (или воссоздал, тут уж ничего неизвестно) компактный прибор, способный под программным управлением производить синтез новых веществ.

О своей «индивидуальной работе» Семен никому пока не говорил, боясь провала задуманного, только Сергею Федоровичу намекнул, что занимается важным делом.

Поиски идеальной квартиры несколько затягивались. Вероника Сергеевна очень хотела, чтобы сын не отдалялся, был, как модно стало говорить, «в шаговой доступности», — естественное желание для матери. Сначала смотрели новые квартиры, но всегда что-то неуловимо не устраивало, и приходилось отказываться от предложенного. Но всё, в том числе и поиски, обязательно чем-нибудь да заканчивается.

Аркадий Павлович и Вероника Сергеевна выехали смотреть предложенную квартиру в уже обжитом доме. Она находилась недалеко от их жилища и располагалась на втором этаже. Войдя за активным молодым человеком в квартиру, Увадовы попали в длинную прихожую, по правой стороне располагались двери в кухню и двустворчатые в большую комнату. Прямо находились ванная и санузел, а перед ними открывались двери: направо в маленькую комнату и налево в комнату побольше, оборудованную большой лоджией. Расположение дома, внутренний ремонт квартиры и размещение жилых помещений родителям Семена понравились. Но...

При любом раскладе необходимо было, чтобы это жилище понравилось самому будущему хозяину. Устроит ли оно Семена? Это пока было неизвестно. Какими бы близкими не были люди, однако у каждого глубоко внутри, есть свое, сугубо индивидуальное видение окружающего мира, отличное от чьего бы то ни было мнения. Конечно, можно просто сказать: «Мы купили тебе квартиру», — а дареному коню в зубы не смотрят. Но это будет не то. Нельзя

навязывать многие вещи человеку, который этого не переносит. Нет, Семен был непритворлив в еде, в одежде, но квартира — это совсем другое. В жилище вселяешься на долгие годы обычно, кроме, естественно, тех «перелетных птиц», которые бороздят города и веси, нигде не останавливаясь надолго. Но большинство людей предпочитает все-таки оседлый образ жизни, они привыкают к своему жилищу, они обихаживают его и устраивают в нем всё так, как им хочется, как им нравится, иногда, — как принято, но все же по-своему. И тогда, постепенно, жилище начинает приобретать название «Дом».

Поэтому, вернувшись домой, родители срочно призвали Семена на семейный совет. Разговор начала мама.

— Сема, это очень важно. Мы с папой решили купить тебе квартиру.

— Хотите меня отселить, — заулыбался сын.

— Нет, не отселить, — вмешался папа, — а поместить в лучшие условия для твоей работы. Тем более, что то, что мы нашли, находится недалеко отсюда. Ведь тебе уже некуда поставить свои приборы, а там — простор.

— Но это же очень дорого, — возразил Семен.

— Не дороже, как говорится, денег, — снова вмешалась мама. — Но, главное, чтобы она тебе подходила. А для этого ты должен оторваться от работы и поехать с нами.

— Может быть, завтра, — неуверенно произнес сын, занятый мыслями о новой идее пришедшей ему в голову и одновременно понимающий, что для родителей квартирный вопрос очень важен.

— Человек ждет, — заметил папа, — мы пообещали, что скоро вернемся. Извини, пожалуйста.

— Тогда поехали, — просто сказал Семен.

Квартира понравилась. Уже войдя в прихожую, будущий хозяин невольно начал прикидывать, что и куда определить. Он больше не сопротивлялся, родители сияли. Сиял, по-своему, и активный молодой человек, нашедший квартиру таким хорошим людям.

Но вдруг сияние Вероники Сергеевны сменилось прикусом нижней губы и сжатыми кулачками: она что-то вспомнила. И тут же озвучила это.

— Я совсем забыла. Ведь первым в ещё пустую квартиру должен войти кот. Надо искать кота или котенка — это обязательно.

— Можно взять напрокат, — произнес Аркадий Павлович, но мама приняла решение.

— Нет, — заявила она, — это должен быть свой кот. — Иван Николаевич, — обратилась она к активному молодому человеку, — пожалуйста, оформите поскорее все документы, мы готовы расплатиться немедленно.

— Будет сделано, — на старинный лад ответил активный молодой человек и сразу начал звонить по телефону.

Увадовы покинули будущую квартиру сына.

Глава 4. Знакомство

Мама Семена прекрасно знала приятную женщину, Галину Антоновну Безуварову, жившую в соседнем доме и слывшую заядлой кошатницей. Было также известно, что Галина Антоновна принимает самое деятельное участие в судьбе брошенных животных, не имеющих собственного дома, работая в свободное время в специальном приюте для бродячих котов и собак. Причем там, в этом приюте, собирались не совсем бродячие собаки и кошки, нет, — часто туда попадали брошенные животные, которых просто вышвыривали на улицу: то при переезде в другой город, то наигравшиеся дети забывали напрочь своих бывших любимцев, то при трагических исходах человеческой жизни, то еще по множеству других, существенных для людей, причин. От этого, по мнению работников спецприюта, «брошенкам» было не легче, ведь они не могли понять в принципе, что легкая, сытая, теплая жизнь закончилась навсегда, что они теперь одиноки, хозяин не приласкает, не добавит в кормушку еды, а в поилку воды. Безусловно, животные, в силу заложенных инстинктов, выживали и без участия людей, но все-таки это был город, а не чащи лесные и не равнины травянистые, к которым и приспособлены были все инстинкты. Так повелось испокон веков, что человеческое жилье сопровождают одомашненные собаки и коты, и люди к ним привыкают, забывая о том, что, возможно, и домашние питомцы тоже привыкают к определенным людям, узнают их за версту, шибко бегут, встречая с поля, из огорода, из леса, что они тоже, в своем роде, скучают и грустят, пусть не в человеческом смысле, об уехавших или ушедших навсегда хозяевах.

Так вот, к Галине Антоновне и обратились родители Семена, желая привлечь котенка для первого входа в жилище, купленное для сына. И сказали, что им нужен котенок, грубо говоря, одноразового пользования для традиционного входа в новое помещение. Но Галина Антоновна, при всей своей мягкой натуре на это ответила резковато:

— Нет, так поступить я не могу. Езжайте в деревню, там всегда есть лишние котята, возьмете, привезете, запустите в дом, а потом можете вышвыривать на улицу. Лучше, конечно, сдать потом в приют, место там всегда найдется. Да и я буду себя лучше чувствовать, что не соприкоснулась с таким действием.

Вероника Сергеевна даже смутилась от такого предположения.

— Нет-нет. Что вы, Галина Антоновна, вы неправильно нас поняли. Просто котенок поживет немного в квартире Семена, а потом мы заберем его к себе. Как можно выгнать на улицу, это уму непостижимо, нет! Семен, скорее всего, и даже, точно, не будет иметь никакого времени для ухода за животным. Он ученый, вот стал доктором наук, а ученые — они все рассеянные, о себе позаботиться не умеют, что уж говорить о живом существе. Так что у питомца будет свой дом, мы его обижать не будем.

— Извините, я вас не так поняла, — смягчилась душа заядлой кошатницы. — А для дома у меня есть замечательный котенок, просто умница, все понимает. Мне его под новый год принесла соседская девочка, он лежал в снегу, и дети его подобрали, но глаза у него еще не открывались, а у меня Маура как раз кормила котят. Приняла и его. Пойдемте, я покажу вам это чудо!

— А можем мы сразу его забрать? — заявил Андрей Павлович, смущенно стоя позади жены с плетеной корзиной в левой руке. — Мы и корзину захватили.

— Вполне можете, — сказала Безуварова, — он совершенно не капризен и не злобен, я бы даже сказала, что он весьма воспитан, он все-все понимает. Знаете, — она несколько замялась, — ему даже лоток не нужен, только приоткрытая дверь в туалет, — он пользуется унитазом.

— Как?! — воскликнули гости.

— Будет жить у вас, сами все увидите. И воду сливает за собой.

Галина Антоновна открыла входную дверь и впустила гостей, потом вошла сама. В прихожей на коврике сидела крупная, почти белая с рыжевато-коричневым хвостом кошка, видимо, ожидая хозяйку и внимательно посматривала на вошедших. На голове кошки из темных шерстинок складывалось подобие черной короны. Пристальный взгляд даже несколько смутил гостей.

— Какая строгая, — молвила Вероника Сергеевна, на что Галина Антоновна заметила:

— Строгая она в меру, но вот недоверчивая ужасно. Принимает только меня и то с неким ощущением, что и от хозяйки ждет подвоха. Скорее это связано с каким-то событием в её кошачьей жизни. Но этого я точно не знаю.

Меж тем Маура, увидев, что хозяйка занята, встала на четыре лапы и покинула неторопливо с видимой кошачьей грацией прихожую, оставив людей разбираться со своими делами.

Известно, что кошки очень любопытны, что и губит их порой, но в прихожую, прищурив глаза, вошел другой обитатель квартиры: серо-белый котенок, осторожно и мягко ступая, появился перед глазами вошедших, не выказывая боязни. Серая шерсть не была подобна дыму от костра, а имела явную насыщенную синеватость и облекала животное неким подобием комбинезона с рукавами и высоким воротником, что оставлял свободными от сине-серого одеяния мордочку котенка, его грудь и лапы от пола и до колена. При хорошем воображении можно было решить, что хозяин дома встречал гостей, облачившись в темный фрак, белую манишку, и белые же гольфы и перчатки.

— Иди ко мне, — позвала Галина Антоновна.

Котенок одним мощным прыжком почти сразу очутился у ног хозяйки и, приветствуя, боднул ее головой. Женщина наклонилась и погладила питомца по голове. Тут-то гости и заметили своеобразные ушки: маленькие, загнутые вперед, весьма примечательные. На удивленный вопрос посетителей хозяйка пояснила, что это такая порода.

Присев на корточки, Галина Антоновна начала самый настоящий разговор с котенком, объясняя ему ситуацию, словно действительно верила, что он её поймет.

— Вот что, малыш. У тебя теперь будет свой дом. Эти люди хотят взять тебя к себе, чтобы ты первым вошел в новую квартиру их сына. У него ты побудешь недолго, потом они заберут тебя к себе, и у них ты будешь жить. Я уже им рассказала, какой ты сообразительный, так что не подведи меня.

Котик слушал хозяйку молча, не отрывая от нее взгляда, словно действительно понимая, и не отвлекался на вылизывание лапы или умывание.

Безуварова взяла корзинку из рук Андрея Павловича, поставила ее на пол и предложила продолжавшему стоять на четырех лапах котенку:

— Залезай в эту корзину, в ней тебя понесут по улице. И веди себя хорошо.

Голос женщины неощутимо дрогнул, все-таки предстояло расставание, а она уже привыкла к маленькому созданию. Котенок подошел к корзинке, обнюхал края ее и без всякого волнения запрыгнул в середину, чем удивил не только гостей, но и саму прежнюю хозяйку: она лишней раз имела возможность убедиться, что маленький питомец весьма сообразителен.

Андрей Павлович поднял корзину, Вероника Сергеевна традиционно высыпала в руку Галины Антоновны «серебро и медь» в уплату за питомца, и в это время откуда-то из глубин квартиры раздался короткий «мяв» Мауры, на что котенок отозвался писком. У женщин внезапно на глазах заблестели слезы: они поняли (или придумали себе), что это приемные мать и сын попрощались друг с другом.

Посетители вышли на улицу. Теперь им предстояло пройти два квартала, чтобы, поднявшись на второй этаж, очутиться перед дверью новой квартиры, где их должен был ждать Семен. Котенок, не проявляя интереса к окружающему, свернулся клубком на дне корзины и, закрыв глаза, усиленно сопел, изображая глубокий сон.

Семен стоял на лестничной площадке, когда родители поднялись на второй этаж. Вероника Сергеевна сразу сказала:

— Так, мы с питомцем, посмотри, какой красавчик. Тебе, Сёма, надо дать ему имя, потом открыть ему дверь и предложить пройти в комнаты. А уж потом можно и нам входить.

Семен взял корзину из рук отца и посмотрел на спящего котенка.

— Как же тебя назвать? А? Я помню только одно имя кота из мультфильма — Мартын. Нет, не пойдет. Тебе больше подходит Мэ́ртин.

Котенок услышав, видимо, звук нового голоса, открыл глаза, нарочито зевнул и уселся в корзинке. Семен поставил переноску на пол и присел перед котенком на корточки, как давеча сделала Галина Антоновна.

— Теперь ты некоторое время будешь жить в этом доме, мы должны не мешать друг другу, — продолжил Семен, машинально взглянув в прищуренные глаза будущего питомца, и ему показалось (конечно, показалось, ибо иного и быть не могло), что взгляд узких кошачьих зрачков выражал неподдельную иронию. Но, поскольку, повторимся, этого не могло быть по определению, человек завершил свою мысль.

— Мартин — это полное имя, а по-домашнему ты будешь... Марти, совсем коротко Март или даже Мар. Запомни хорошенько. А теперь твое дело: войти в эту квартиру первым и обойти все комнаты, как и положено настоящему коту на новом месте.

И Семен открыл входную дверь. Он, было, наклонился, чтобы взять котика на руки, но тот уже прыгнул к самому порогу и, не торопясь, степенно вошел в помещение.

Люди выждали минут пять и, посчитав это время вполне достаточным, тоже вошли в квартиру. Мартина не было видно, квартира была трехкомнатной, и он, скорее всего, изучал последовательно все помещения.

Вероника Сергеевна сразу засуетилась, памятуя о том, что в квартире уже будет проживать живое существо, которому необходимо создать определенные условия, не для комфорта его, естественно, а дабы избежать разного рода неприятных последствий от животного, которому еще необходимо (так думают все люди) привыкнуть к новому месту.

Сначала женщина заглянула в туалет и застала там Мартина: он внимательно рассматривал устройство сливного бачка. Появление мамы Семена отвлекло его от этого занятия. Между тем, Вероника Сергеевна раскрыла свою хозяйственную сумку и вынула оттуда кошачий лоток и упаковку наполнителя для него. Установив лоток на свободном месте, женщина наполнила его мелкими крошками вещества, обладающего высоким задерживающим эффектом как для влаги, так и неприятных запахов, и обратилась к животному.

— Видишь, вот здесь будет твой туалет. Подойди и запомни.

Котенок действительно подошел и, обнюхав лоток со всех сторон, громко фыркнул. Женщина позвала его за собой теперь на кухню, где в одном из углов расстелила специальную кошачью подстилку утепленного вида, также извлеченную из большой сумки. Похлопав по подстилке и сказав вслух, что это постель, Вероника Сергеевна завершила свои деяния, разместив невдалеке от лежанки кормушку, наполнив ее едой, а рядом и поилку, налив туда воды из бутылки, оказавшейся в той же самой сумке.

— Ну вот, — сказала хозяйка, — на первое время должно хватить.

И вышла из кухни.

Мартин внимательно (как это могут делать кошки) следил за действиями человека и последовательно обнюхал подстилку, еду и воду, но есть и пить не стал, а проследовал к людям, которые, уже не обращая на кота внимания, обсуждали завтрашний день, когда привезут вещи из магазина, появятся грузчики, чтобы расставить мебель, и уборщицы, чтобы навести окончательный порядок в комнатах. Планировалось, что следить за всем процессом придется родителям, поскольку Семен будет занят в лаборатории, где наметил проведение очередного экспе-

римента. Поэтому сейчас сын показывал, где у него что будет и как все разместить, а родители впитывали информацию. Такова участь родителей: прислушиваться к мнению взрослых детей.

Собственно, на этом первичное посещение новой квартиры можно было заканчивать: места грядущей мебели ориентировочно определились, комнату с лоджией Семен избрал в качестве кабинета, противоположную комнату, меньших размеров, — как, предварительно, лабораторию, а самую большую, как жилую и гостевую. Пока, решил хозяин, сойдет и так.

Люди засобирались и двинулись к выходу, котенок провожал их прищуренным взглядом. Семен обернулся и сказал питомцу:

— Веди себя хорошо, — и родители вместе с сыном вышли на лестничную площадку.

Котенок, названный Мартином, остался в одиночестве.

Проводив выходящих из квартиры, он проследовал к кормушке и основательно перекусил, полакав немного воды. Затем наскоро забежал в туалет, через короткое время послышался шум спускаемой воды, и довольный жизнью представитель кошачьего племени, подняв хвост трубой, направился к своей подстилке. Он пока был вполне доволен: еда есть, вода имеется, туалет под самым боком, в случае чего, подстилка пушистая и теплая, — что еще нужно для приятной жизни. Общение, скажет кто-то, но кошки при всей своей ласковости все-таки склонны к одиночеству, видимо, им так комфортнее. Вот и Мартин не стал плакаться об ушедших хозяевах, а спокойно завалившись на бок, свернулся в клубок и смежил глаза. Теперь можно и поспать на славу.

Сон кошачьих весьма чуток. Даже маленькие ушки Мартина улавливали всякое шевеление, движение лифтов, шаги жильцов, голоса детей, а также цокот коготков своих извечных недругов — собак, и мягкий шелест лапок себе подобных. И еще много всяких звуков различал котенок, распределяя их на опасные, неопасные, знакомые, непонятные и прочие другие совершенно инстинктивным образом.

Поэтому рано утром Мартин, отчетливо распознав уже знакомый щелчок дверного замка, открыл глаза, потянулся и, подбежав к кухонной двери, заглянул в прихожую. Это был Семен. Он вспомнил, что надо бы поменять месторасположение домашнего питомца, ибо чужие люди, расстановка мебели и последующая уборка могли изрядно напугать животное, не привыкшее к незнакомой обстановке. Так рассудил человек со своей, человеческой, точки зрения.

Войдя в прихожую, человек, видя, что никто его не встречает, позвал:

— Ксс-ксс-ксс!

Однако никакого шевеления или отзвука не услышал. Тогда он решил крикнуть громче:

— Мартин! — и из двери кухни немедленно появился котенок и выжидательно уставился на хозяина.

— Вот как? — произнес Семен, присаживаясь на корточки. — Вы не желаете являться на «кис-кис»?

Котенок принялся тщательно вылизывать правую заднюю лапу. Семен продолжил разговор:

— Вас надо приглашать по имени?

Кот отставил свое занятие и внимательно посмотрел в глаза человека. Потом все-таки отвел глаза в сторону.

«Чем я занимаюсь, — думал в это время хозяин квартиры, — разговариваю с котом? И это называется ученый!»

— Так, — отложив раздумья, произнес Семен, — у меня мало времени, давай будем перемещаться. Думаю тебя устроить на лоджии, перенесу туда все твои вещички, лоджия закрыта, тебе никто там не помешает. Побудешь до вечера.

И он прошел в туалет, чтобы, главное, перенести лоток с наполнителем на означенное место, но в это самое время раздался требовательный звук:

— Мяав!

Семен оглянулся. Мартин стоял на четырех лапах, но не следовал за хозяином, а повернул в сторону кухни, будто приглашая того следовать за собой.

— Что такое? Тебе не нравится лоджия?

Мартин повторил «мяав» и двинулся в кухню. Пришлось человеку проследовать за питомцем. Тот, в свою очередь, подошел к двери, ведущей на открытый балкон, и тронул ее лапой.

— Ты хочешь на балкон? — недоумевающе спросил Семен, снова поразившись своей беседе с неразумным существом, — там будет не так удобно...

— Мяав, — уже мягче произнес котенок, словно говоря: «Я с этим разберусь сам».

Пришлось человеку открыть балконную дверь, котенок шмыгнул на балкон и начал осматриваться. Оглядевшись, он вернулся на кухню и, боднув хозяина головой, решительно двинулся к кормушке и уселся рядом с ней. Семену пришлось понять это так, что питомец хочет, чтобы корм и питье вынесли на балкон, что он и сделал. Когда он вернулся с балкона, Мартин уже сидел возле подстилки. Хозяин перенес и подстилку. Тогда кот прыжком очутился на балконе и сразу уселся на свою постель, показывая, что он уже вполне готов к временным неудобствам. Ни шум голосов, ни гул машин, видимо, не пугали кота, и Семен решил, что один день тот вполне может провести и вот в таких условиях. Он вошел в туалет, взял кошачий лоток с совершенно нетронутым пока наполнителем и вынес его на балкон. Когда он ставил лоток на пол, то услышал, как Мартин откровенно фыркнул.

— Так надо, друг, — заметил Семен, но кот, уже откровенно приглашая человека, сместился к левой стороне балкона и устался в пространство между витыми прутьями.

Пришлось взглянуть в ту сторону.

Сбоку балкона видна была верхушка невысокого хвойного дерева, причем из этой верхушки прямо к витой обрешетке выставились две ветви, очень прочные, на первый взгляд.

«Однако!» — подумал Семен, а к питомцу обратился так:

— Ты что? Думаешь удрать? Нельзя этого делать, ты заблудишься, потеряешься, не найдешь обратной дороги домой.

Котенок тихонько, но явственно, фыркнул, будто хотел чихнуть, но сдержался, и с независимым видом, подняв хвост трубой, почти демонстративно направился к лежанке, запрыгнув на нее.

Семен взглянул на часы.

— Так, друг, я уже почти опаздываю, у меня много дел. Свою долю заботы о тебе я проявил, а дальше, — как тебе будет угодно. Сбежишь, значит, такова твоя судьба. Я ушел.

Он прикрыл балконную дверь, оставив питомца снова в одиночестве, что того совершенно не смутило. Услышав щелчок входной двери, Мартин опять подошел к краю балкона и посмотрел внимательно на чуть-чуть подрагивающие ветви дерева, затем, оглядев прилегающую территорию и не заметив ничего подозрительно-опасного, проскользнул между прутьями и совершил точный, быстрый и уверенный прыжок в сторону веток.

Через пару минут он уже был на земле, еще раз огляделся, прислушался и неспешным шагом, словно проводя утренний моцион, отправился вдоль стены здания.

Глава 5. Заполненный месяц

Появление в жизни Семена Мартина никак не сказалось на его деятельности. Правда, теперь приходилось как минимум два раза в день отвлекаться, чтобы накормить неожиданного питомца. Но особого внимания котенок не требовал. Поев, он уходил в определенный ему уголок и смеживал глаза. Он не носился по комнатам, сметая все на своем пути, совсем не подавал голос, словно понимая, что человек погружен в занятия, требующие сосредоточенности. Мартин был вообще малозаметен. И, честно говоря, Семену было вовсе не до того, чтобы следить за поведением животного и соотносить это поведение с другими животными того же типа, иначе бы он задумался, ибо такое «тихое» существование отнюдь не присуще домашним кошкам.

Родившаяся в голове ученого идея заключалась в том, чтобы создать препарат, способный «разбудить» самую древнюю и самую устойчивую геномную структуру, как их «обозвал» сам Семен — «наблюдатели за контролёрами сторожевых генов». Именно эта структура являлась хранителем всех изменений организма от момента появления его первой клетки. Но она самостоятельно работала только в самом начале развития живого существа, а потом разом передавала свои функции сторожевым генам и контролёрам сторожевых генов, умывая, таким образом, руки от непосредственного воздействия на развивающийся организм. Это была как бы резервная копия, включив которую, можно было заставить организм избавляться от ненужных «накоплений» на жизненном пути в сотни раз быстрее и эффективнее, чем это происходило под влиянием иммунной системы.

Основная задача состояла в том, чтобы «пробуждающий» эффект проявлялся почти моментально, насколько это определение возможно для живой органической системы. Далее, необходимо было получить такое вещество, которое имея активное воздействие на генотип, не воспринималось бы защитными механизмами биологической системы как нечто не своё, чужеродное. Оно должно было оставаться внутри организма, не изменяясь и не причиняя никакого вреда. И, в тоже время, по восстановлению нормального состояния внутренней среды препарат должен был приостановить свою работу до следующего срыва в защитных системах биологического существа.

Постепенно в мозгу Семена начало формироваться представление о молекуле такого препарата. Человек начал настолько погружаться в свои мысли, в свою идею, что не мог более общаться с объективным миром, он не мог отвлекаться ни на что иное, кроме создания великой молекулы. Ученый взял положенный ему отпуск и засел дома. Подспудно понимая, что он взвалил на себя непосильную работу, Семен никому не сказал о своей задумке, ибо крах великого замысла мог привести к ужасающим последствиям для самого мыслителя из-за реакции на таковой провал со стороны окружающего мира.

Единственное, о чем не забывал Семен в эти дни: кормить и поить Мартина, — о себе он такого сказать не мог. Процесс минимального ухода за животным был, пожалуй, одинокой связующей нитью человека с реальным миром. Кроме того, пришлось несколько раз отвлекаться и уезжать в институтскую лабораторию, поскольку некоторые эксперименты не были совсем закончены. Да, и ещё, в семь часов вечера (он завел будильник на это время) ученый вставал из-за стола, одевался и уходил гулять часов до девяти, ибо понимал, что его теперешнее состояние подобно сумасшествию существа, одержимого навязчивой идеей. Надо сказать, что если бы не было этих ежевечерних прогулок, то и дальнейшее развитие всей истории могло пойти совсем иным путем.

Однажды ночью Семен проснулся от ощущения ошеломляющего сна, в котором он разговаривал с созданной им молекулой. Он ясно представлял, какой она должна быть. На часах показывалось три часа ночи, сердце колотилось, словно ему пришлось пробежать одним махом

десять километров, кожа покрылась липкой испариной. Но это не помешало ученому тут же засесть за компьютер и до утра набрасывать заметки о своем удивительном сне.

Завершив эту часть работы, человек почувствовал величайшую, неодолимую усталость, будто в одиночку разгрузил ночью железнодорожный состав с углем. Проглотив некий бутерброд и запив его теплым чаем, ученый добрался до постели и мгновенно вырубился. Причем сон его продолжился с того самого места, на котором был прерван внезапным ночным пробуждением.

В это самое время из своего закутка появился Мартин. Он абсолютно бесшумно, как умеют только кошки, пробежал по коридору и взглянул осторожно, но очень пристально на спящего человека и, на секунду замерев, побежал в большую комнату, где Семен не выключил компьютер. Котенок запрыгнул на стол, развернул окно с заметками ученого, включил прокрутку и внимательно уставился на экран, сощурился. Прочитав записи, Мартин вернулся к себе и сделал вид, что уснул: ему надо было все хорошенько продумать.

Первое чувство, посетившее Семена после пробуждения, было вовсе не желание продолжить работу. Оно было другим, заставившим вспомнить о том, что человек — это всего лишь биологический объект. Семен ощутил невыразимый голод. Он припомнил, что три недели вел себя не совсем адекватно, забывая о необходимости принимать пищу. Но теперь, когда составление молекулы приблизилось к своему завершению, природная сущность его напомнила о себе. Наскоро одевшись, человек направился в ближайшее кафе, где и решил основательно подкрепиться. Если бы Вероника Сергеевна увидела такую гору продуктов перед сыном, она бы, невзирая на докторскую степень последнего, прочитала долгую лекцию о соблюдении принципов питания, о здоровье, в общем, все то, о чем матери говорят своим детям, когда замечают, что те не следят за собой в плане режима жизни. Но Семена родители не видели уже три недели, потому что он категорически настоял, чтобы его в течение этого отпуска ничем не отвлекали. Родители даже не слышали голоса сына по телефону, ибо звонить он им запретил, а передача телефонных сообщений не занимала много времени. Поэтому мамы рядом не случилось, и сын спокойно умял то, что оказалось перед ним на столике.

Непосредственно после еды проявилось её качество, которое известно почти всем людям: Семена начало клонить в сон. Человеческий организм ведь не обманешь, сколько не стимулируй его мозговой деятельностью. Семен решил пройтись, чтобы прервать нарастающее чувство сонливости. Сейчас он никуда не торопился, потому что уже был уверен в правильности своих расчетов, его молекула так и сверкала перед глазами. Оставалось только внести программу синтеза в компьютер, доделать по ходу кое-какие детали и можно приступать к апробации на живых объектах.

Проходя мимо дерева, стоявшего под его окном, Семен краем глаза засек метнувшуюся к зеленому красавцу серую тень, тут же скрывающуюся среди ветвей, — и его как молнией ударило: он вспомнил, что совершенно забыл покормить сегодня Марти, бедный котенок, скорее всего, умирает с голоду. Человек поспешил в свое обиталище, ругая себя непривычными словами.

Однако, когда Семен с кормом в руках появился перед закутком Марти, кот как ни в чем не бывало тщательно умывался. Он не выказывал никаких признаков волнения и не слишком отреагировал на покаянную фразу Семена.

— Прости, друг, совсем забыл покормить тебя утром, не обижайся, ладно.

Кот внимательно посмотрел на человека, но к корму не кинулся, потому что уже не только позавтракал, но и пообедал... своими силами. А обижаться на что-либо он вовсе не собирался. Его представления о реальной жизни и так называемые эмоции во многом отличались от человеческих, но Семен пока что этого не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.